

Казарин В. П.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

Новикова М. А.

профессор

СТИХОТВОРЕНИЕ А. А. АХМАТОВОЙ «ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...» (ИТОГИ ОПЫТОВ РЕАЛЬНОГО И ПОЭТОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ)

В работе выявляются петербургские и крымские реалии, которые легли в основу поэтических образов стихотворения А. А. Ахматовой 1912 года. Среди петербургских реалий – главная Морская Таможня российской столицы и специальный таможенный флаг над ней, клиника профессора Д. О. Отта, носившая прозвище «императорской родильни» (основана в 1797 году императрицей Марией Федоровной). В числе крымских реалий – дачные окрестности Севастополя (в том числе имение Н. И. Тура «Отрада» и грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта), Стрелецкая и Песочная бухты, Херсонес и Свято-Владимирский собор. Предлагается новое понимание обстоятельств, инспирировавших ахматовский текст: рождение сына Льва, отчуждённость (затем и формальный развод) А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва. Доказывается двойная адресация стихотворения и особый, пророческий смысл его финала. Используются методы: историко-биографический, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа. Текст сопровождается иллюстрациями.

Ключевые слова: Ахматова, Гумилёв, отчуждение, развод, Петербург, Морская таможня, флаг, клиника профессора Д. О. Отта, Крым, Севастополь, Херсонес, Свято-Владимирский собор, смуглые главы, Стрелецкая бухта, Песочная бухта, имение Н. И. Тура «Отрада», грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта, приморская девчонка, счастье, слава, дряхление сердца, историко-биографический метод, методы реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.

Осенью 1912 года А. А. Ахматова написала стихотворение «Вижу выцветший флаг над таможней...». Текст его мы позволим себе напомнить читателю:

Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом жёлтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косу коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадёжно дряхлеют сердца.
[1, т. 1, с. 117]

Стихотворение напечатано в февральском номере журнала «Гиперборей» за 1913 год. Зна-

чит, написано оно не позже 1912 года: рукописи сдавались в журналы за два месяца до выхода в свет. Авторская датировка «Осень 1913» в книге Ахматовой «Бег времени» [5, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было создано, но никак не на год. В январе 1913-го оно уже было в типографии. Кроме того, именно к концу 1912 года (судя по рукописям и авторским свидетельствам) относится большинство других стихотворений ахматовской подборки (их общее число – пять, наше стихотворение стоит посередине – третьим), напечатанных в той же книжке журнала [5, с. 456]. Да и сама атмосфера стихотворения, наполненная уходящим летним зноем, тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912 года, а не с зимой 1913-го.

В окончательном варианте стихотворение не имеет названия. Но первоначально оно было опубликовано под заглавием «Возвращение», – и это не случайно. Композиционно всё стихотворение построено на мысленном «возвращении» из современности в прошлое. Только учитывая

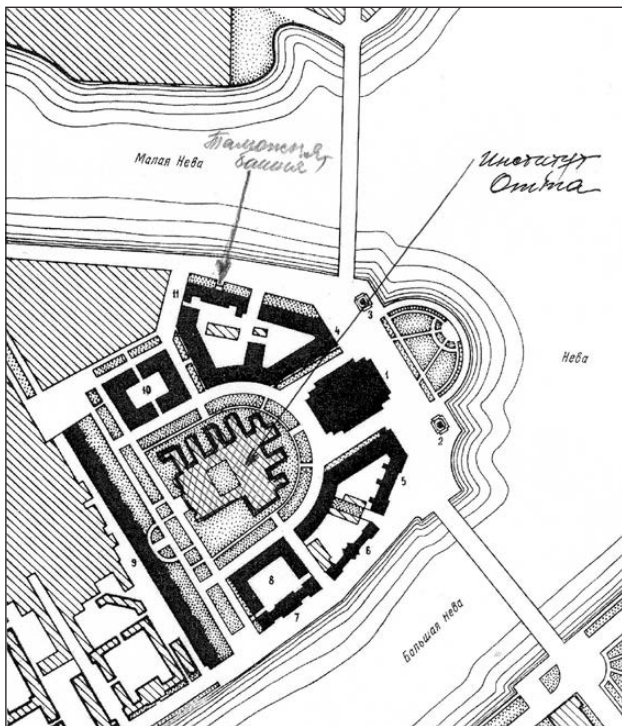

Рис. 1. Стрелка Васильевского острова

Рис. 2. Здание главной Морской таможни в Санкт-Петербурге

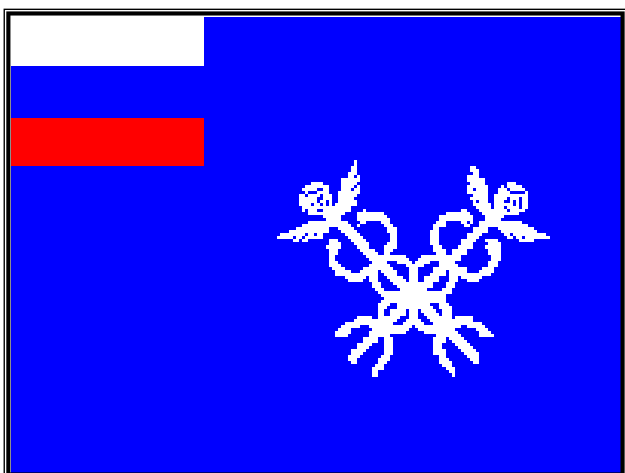

Рис. 3. Императорский флаг Российской таможенной службы

эту параллель-контраст, можно проникнуть в его замысел. А начать это «проникновение» стоит с ахматовских реалий.

I.

Вижу выцветший флаг над таможней <...>.

О какой таможне пишет поэт? Откуда можно было видеть её флаг?

Главная Морская таможня Санкт-Петербурга находилась в начале XX века на стрелке Васильевского острова в здании, в котором с 1927 года и донныне располагается Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Глагол в первой строке стихотворения подразумевает длительность действия: не «увидела» или «заметила» таможенный флаг, не «посмотрела» или мимолетно «глянула» на него, а – «вижу». Не одновременно, а продолжительно, не единожды, а многократно, вновь и вновь. Почему же какое-то время осенью 1912 года Ахматова видела снова и снова именно таможню?

В столице в тот период наш поэт более или менее долго без перемены места оставалась только в одном учреждении – в так называемой клинике профессора Д. О. Отта. Она была основана императрицей Марией Федоровной в 1797 году. Сегодня клиника является Институтом акушёрства и гинекологии имени Д. О. Отта. В этой самой «императорской родильне», как её называли петербуржцы, 18 сентября (1 октября по н. ст.) 1912 года Ахматова родила сына – Льва.

Клиника профессора Д. О. Отта, «очень дорогая и очень хорошо обставленная» [6, с. 89], куда привёз свою жену рожать Н. С. Гумилёв, с той поры и по сей день также находится на стрелке Васильевского острова, располагаясь чуть южнее здания тогдашней таможни – ныне Пушкинского Дома (см. рис. 1).

Трёхэтажное здание Морской таможни венчается круглой башней, которая по высоте совсем немного уступает своей архитектурной основе и одиноко возвышается над всей округой. На куполе башни установлен шпиль, длина которого, в свою очередь, равна этажу основного здания (см. рис. 2).

Именно шпиль на круглой башне здания нёс на себе до революции флаг Российского морского таможенного ведомства, который был утвержден 1 марта 1871 года, – синее полотнище с национальным триколором в кантоне и скрещенными кадуцеями (жезлами Меркурия), обвитыми змеями (см. рис. 3).

Таможенный флаг был виден далеко в округе. Роженица А. А. Ахматова-Гумилёва лежала, очевидно, в палате с северной стороны клиники. Именно оттуда она могла видеть в окно не только «жёлтую муть» осеннего неба, но и «таможенный флаг».

Все сказанное позволяет предположить, что анализируемое нами стихотворение было написано не раньше последних чисел сентября, когда поэт ложится в клинику профессора Д. О. Отта. Не раньше, но вполне может быть, что оно написано двумя-тремя неделями позже. 22 октября (4 ноября по н. ст.) 1912 года Ахматова пишет письмо В. Я. Брюсову, в котором посылает ему «несколько стихотворений, написанных на днях», и оставляет важное для нас признание: «Я не могла сделать этого раньше, потому что у меня родился ребёнок, и я ничего за всю осень не писала» [6, с. 90].

II.

<...> И над городом жёлтую муть.

Характерно: Ахматова пишет, что видит «жёлтую муть» – «над городом». Действительно, лежачей пациентке открывается в окне не сам город, а пространство над ним – с выцветшим флагом и жёлто-мутными небесами. Мало того, обоснованно можно предположить, что лежала наша роженица не на первом и даже едва ли на втором этаже клиники. Иначе соседние здания и деревья (а застроена стрелка очень плотно) заслонили бы от неё всякий вид из окна, включая небо.

Но почему небо у неё – «мутное»? И почему – «жёлтое»?

С «мутью» дело обстоит более или менее просто. В сентябре 1914 года, когда Санкт-Петербург будет уже переименован в Петроград, А. А. Блок напишет одно из самых известных своих стихотворений – о военном эшелоне Первой мировой войны, отправляющемся из столицы на «кровавые поля» Галиции. Первая строка стихотворения, давшая ему название, звучит так:

Петроградское небо **мутилось** дождём <...>
[10, т. 3, с. 275]

Итак, версия первая – дождь. Версия вторая – туман. Конец сентября для приморского севера – это уже осень. Проверить обе версии можно было бы по столичным газетам сентября 1912-го. Метеопрогнозы и тогда уже печатались регулярно, как и теперь. Но есть ещё и внутренняя оптика самого ахматовского стихотворения. Она обе эти версии

исключает. Увидеть флаг над таможенной сквозь дождь или туман ещё возможно. Разглядеть, что этот мокрый флаг «выцветший», – нельзя.

Остается третья версия, уже упомянутая выше. Не воздух Петербурга мутен и жёлт, а именно небо, по которому Балтика уже нагоняет низкие клубящиеся тучи. Но откуда возник этот жёлтый колоратив?

От электрических фонарей. Для начала XX века яркое электрическое освещение улиц – ещё диковинка и прерогатива столиц. Об этом мы найдем немало стихов и у того же А. А. Блока, и у раннего В. В. Маяковского, и у других поэтов-петербуржцев. В искусственной желтизне ночных мегаполисов порой усматривали нечто дьявольское: всё подменяющее, обесценивающее, искажающее. Но у нашего поэта встречается и вполне позитивное восприятие новомодных светильников: «Чернеет дорога приморского сада, / Желты и свежи фонари» [1, т. 1, с. 175].

Если принять наше объяснение появления в стихотворении «жёлтой мути», получается, что Ахматова фиксирует своё круглосуточное пребывание в клинике. Днём она видит таможенный флаг, ночью – мутное и жёлтое от электрических фонарей низкое небо. Это свидетельствует о какой-то тревоге, переживаемой ею. Тревога, в свою очередь, оборачивается бессонницей.

III.

Вот уж сердце мое осторожней Замирает, и больно вздохнуть.

С медицинской точки зрения, ситуация ясна. У героини стихотворения налицо все симптомы сердечной недостаточности. Тут и внезапность приступа («вот уж...»), и перебои сердечного ритма, и острая боль в груди при вдохе. В письме 1907 года С. В. фон Штейну упоминается ещё один симптом болезни: «С сердцем у меня совсем скверно, и только оно заболит, левая рука совсем отнимается» [6, с. 51]. Наряду с чахоткой, болезнь сердца будет мучить Ахматову всю жизнь, – от неё она в конце концов и умрёт. Стихи нашего поэта (как всегда, документально точно!) фиксируют развитие этого недуга.

Но что могло спровоцировать его именно тогда – в сентябре 1912-го?

Конечно, роды – нелёгкое испытание для любой женщины, а для больной туберкулёзом – тем паче. Да, петербургская погода («жёлтая муть») сердцу не подмога. И всё же... Складывается впечатление, что во внутренней жизни Ахматовой именно

перед родами – или сразу после них – произошло нечто такое, что в буквальном смысле ударило по её сердцу.

Что мучает нашу роженицу в клинике? Что так тщательно скрывает она? Почему поэт в стихотворении ни единым словом не обмолвится, что стала матерью? Отчего в последующих изданиях упорно датирует стихотворение **осенью 1913 года**, фактически дезориентируя читателя? Чего он, читатель, не должен знать про ахматовский 1912 год?

Назовём это «малой тайной» стихотворения. К ней нам ещё предстоит вернуться. А пока – стихи делают неожиданный скачок во времени и пространстве.

IV.

Стать бы снова приморской девчонкой, Туфли на босу ногу надеть, И закладывать косы коронкой, И взволнованным голосом петь.

В мечтах героиня во второй строфе мгновенно переносится назад: в счастливое подростковое детство, которое прошло там – у моря, в Севастополе. Это читателю понятно и без комментариев. Понятно ли ему иное?

Стремительный, лёгкий ритм. Ни единого анжамбамента, в отличие от предыдущих строк, с их физически ощутимой одышкой (сердце «осторожней / замирает...»). Звучный вокализм. Простая, разговорная, непринуждённая лексика. Поэт действительно «вернулась», она у себя дома – и душевно, и портретно, и (если угодно) физиологически. Наконец-то ей хорошо.

Какой ценой?

А той самой, что, вернувшись (пускай, повторим, в мечтах), героиня как бы аннулировала всё, произошедшее с нею в промежутке между «приморской девчонкой» 1896-1903 годов и женщиной, поэтом, человеком года 1912-го. Отречение фиксируется поэлементарно. «Косы коронкой» противостоят знаменитой эмблематичной прямой чёлке и волосам, небрежно подколотым длинными шпильками на модный японский лад. А ведь эта причёска была и будет запечатлена на полотнах прославленных художников, и не только отечественных.

То же можно сказать о костюме. Жёлтая шаль, которая, по одной из версий, будет привезена Ахматовой мужем из поездки по Востоку, и другие «ложноклассические шали», воспетые О. Э. Мандельштамом; агатовые и янтарные чётки на шее;

вызывающие строки, шокировавшие публику Серебряного века: «...Я надела узкую юбку, / Чтоб казаться еще стройней» [1, т. 1, с. 113], – всё отброшено. Счастье, оказывается, прячется в простом – «туфли на босу ногу надеть».

Необыкновенно гибкая от природы, Ахматова завораживала гостей в их с Н. С. Гумилёвым царскосельском доме «змеиными» акробатическими пируэтами: она «легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток» [6, с. 76]. При всём изобилии «оргий» и «афинских ночей» в стилизованном обиходе Серебряного века, таких виртуозных экстравагантций не позволял себе, кажется, никто. Не случайно в зарисовке из четырех строк 1913 года О. Э. Мандельштам назовет Ахматову именно «гитаной гибкой».

Как выясняется, мечталось «жене-колдунье» совсем о другом – она хочет всего-то «взволнованным голосом петь». Все ампулы, – годами наработанные, Н. С. Гумилёвым властно и педантично отточенные, – оказались болезненными и ненужными.

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, о её особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог одного в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие – суть только объекты).

«Малая» тайна анализируемого нами стихотворения состоит в том, что оно в зашифрованном виде есть диалог, и адресован он Н. С. Гумилёву. Брак их, который длился уже два с половиной года, не сделал двух поэтов роднее и ближе. Напротив, отчуждение, противостояние во всём (даже в стихах) только росло. Ахматова радовалась книге Н. С. Гумилёва 1910 года «Жемчуга» («3/4 лирики <...> относится ко мне»). Книгу 1912 года «Чужое небо» она восприняла как «борьбу» с ней «не на живот, а на смерть!» [6, с. 86]. Вернувшись весной 1912 года из совместной поездки с мужем в Италию и с удивлением обнаружив, что она не может рассказать близкому человеку об этом путешествии, столь важном для её внутреннего развития, «легко и плавно», Ахматова объяснит затруднение весьма характерно: «Должно быть, мы уже не так близки были друг другу...» [1, т. 1, с. 553].

Рождение сына только подтвердит опаску, высказанную Ахматовой в стихотворении «Он любил...» (1910) – через шесть месяцев после свадьбы. Сначала она перечисляет «три вещи»,

которые её муж любил. Потом называет три вещи, которые он не любит. Первая среди них – «когда плачут дети» [1, т. 1, с. 36]. Именно эта «вещь» и случилась – она родила. Поведение Н. С. Гумилёва во время беременности и родов жены, которого мы не будем касаться, нанесло ей незаживающие раны. Брак, юридически распадающийся в 1918 году, фактически умер осенью 1912-го. Об этом скажет сама Ахматова: «Скоро после рождения Лёвы мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга» [6, с. 89].

Но рана осталась, и сердцу больно. Оттого и стихотворение Ахматовой действительно адресовано ему – Н. С. Гумилёву. Он один знает, откуда она несколько дней снова и снова видела «выцветший флаг над таможенной». Защищая свою драму от посторонних, Ахматова не упомянет клинику, ни слова не произнесет о родах, о сыне. Она позволит себе только, обнаруживая накопившуюся тревогу и тоску, описать небо над Петербургом как «жёлтую муть», а флаг над таможенной назвать «выцветшим». О небе над Херсонесом, о флаге над Севастопольской таможенной она так не говорила и не скажет никогда.

Н. С. Гумилёв понял замысел своей жены и отреагировал на адресованное ему послание. 9 (22 по н.ст.) апреля – через месяц-полтора после публикации стихотворения – он из Одессы, перед очередным отъездом в Африку, откровенно отвечает на него. Начнёт он издали – с общей характеристики стихотворения и определения места его автора в поэзии: «Я весь день вспоминаю твои строки о “приморской девчонке”, они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убеждён, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» [12, т. 3, с. 236].

Ответ неожиданный, а местами вызывающий сомнения. Во-первых, обнаруживается, что не только Ахматова грезит счастливой «приморской девчонкой», – Н. С. Гумилёву она тоже не просто «нравится», она его «пьянит». Он выбирает не киевскую «колдунью», не царскосельскую «нимфу», не акмеистическую королеву, а ту – простодушную, наивную, радостную «дикую девочку». Но ведь нимфу и королеву годами ваял из Ахматовой сам Н. С. Гумилёв? Да. Но Пигмалион, судя по всему, не выдержал того, что Галатея его переросла.

Во-вторых, не очень-то верится в искренность рассуждения Н. С. Гумилёва об Ахматовой в паре

с В. И. Нарбутом. Что-то, а художественное чутьё было у Н. С. Гумилёва острым и точным. Он не мог не ощущать, что с Ахматовой В. И. Нарбут по дарованию не сопоставим. А потому это сопоставление не возвеличивает, а уменьшает масштабы её личности.

А что же дела семейные?

Из того же гумилёвского письма: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца, но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады» [12, т. 3, с. 236].

Казалось бы, зачем тут, в письме к тоскующей и ещё недавно близкой женщине, все эти исследования «страны Галла» и «алмазные щиты» богини Паллады? А вот это уже ревность творческая. Удел Ахматовой – говорить «так просто – так много». Удел его, Н. С. Гумилёва, – ехать в далёкую Африку, исследовать народ великанов «галла» (обитателей нагорья Западной Африки в верховьях Голубого Нила, севернее Сомали), изучать эллинскую мифокультуру. (Кстати, здесь Н. С. Гумилёв допустил несколько неточностей: Луна никогда не была щитом Афины, тем более алмазным, как и сама Афина не была богиней воинов.)

Всё это уже явная забота о «потомках», которые, по словам «разлюбленной» жены, должны «рассудить» их с Н. С. Гумилёвым спор:

<...> Чтоб отчётливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
[1, т. 1, с. 114]

И то, что эти слова сказаны в последнем – пятом! – стихотворении ахматовской подборки февральского номера «Гиперборея», позволяет заключить, что не одно, не два, а все они являются свидетельством и зримым результатом мучительного расставания в конце 1912 года «разлюбленной» жены с «разлюбленным» мужем. При этом важен не только состав поэтической подборки («Смятение», «Умирая, томлюсь о бессмертии...», «Вижу выцветший флаг над таможенной...», «И на ступеньки встретить...», «Столько просьб у любимой всегда...»), но и порядок, в котором были напечатаны эти пять стихотворе-

ний. Этот порядок – лирическая хроника расставания.

Ссылаясь на свои стихи «Галла» (пока в замысле) и «Одиссей у Лаэрта», Н. С. Гумилёв фактически признает правоту итонии Ахматовой, говорит о невозможности что-либо изменить с его стороны и предлагает ей то самое соглашение о полной взаимной свободе, о «молчаливом» заключении которого она писала. Поиски «счастья» и «славы» принесли ему известность, но лишили сердце героя способности любить, «безнадёжно» его «одряхлив».

Своим письмом Н. С. Гумилёв это только подтверждает. Он считает, что на основе «молчаливого» соглашения, которое они должны заключить, можно восстановить дружеские творческие взаимоотношения. Да, их обоих уже не связывает любовь, но продолжает связывать статус лидеров современной культуры, а также семья: «Любопытно, что я сейчас опять такой же, как тогда, когда писались Жемчуга, и они мне ближе Чужого неба. <...> Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить папа» [12, т. 3, с. 236].

И эта часть гумилёвского письма тоже, на сторонний взгляд, не безупречна. Молодой отец оставляет шестимесячного сына и его кормящую мать ради «творческой» поездки в далекие края. В каких же выражениях передаёт он свои чувства? «Любопытно...». «Забавно...». Словно не отрывается надолго от семьи, а ведёт тщательное наблюдение над самим собой.

Ещё одна красноречивая деталь. Поэты не дают случайных имен – ни своим персонажам, ни своим близким. Марина Цветаева назвала сына победоносным именем Георгий. Анна Ахматова нарекла ребенка царственным именем Лев. Из «Льва» муж (тоже поэт!) делает смешное имя-кличку «Лъвец», будто обращается к домашней игрушке.

Вряд ли это письмо свидетельствует о «счастье» гумилёвско-ахматовской семьи.

Вот теперь, восстановив петербургский контекст стихотворения, можно вернуться к его контексту крымскому.

V.

Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.

«Херсонесский храм» – это Свято-Владимирский собор в Херсонесе. Однако большинство

комментариев в собраниях сочинений Ахматовой к стихотворению «Вижу выцветший флаг над таможней...» уклоняются от ответа на вопросы: почему у поэта купол собора назван «смуглым» и почему он обрел в её стихах множественное число («главы») [1, т. 1, с. 744; 2, т. 1, с. 393-394] ?

Опираясь на биографические заметки автора, комментаторы фактически ищут ответ только на один вопрос: где именно в Севастополе в детские годы поэт могла «глядеть» на Херсонесский собор «с крыльца». Например: «Речь идёт о даче “Отрада” (“Новый Херсонес”) на берегу Стрелецкой бухты – “дача Тура”, в трёх верстах от Севастополя, где семья Горенко проводила каждое лето с 1896 по 1903 г.» [1, т. 1, с. 744-745]. Или: «На даче Тура (“Отрада”) под Севастополем Аня Горенко жила с родителями каждое лето в 1896-1903 гг.» [2, т. 2, с. 429; см. также 2, т. 1, с. 394].

Двухтомник 1990 года, наряду с другими неточностями, ошибочно отождествляет время написания стихотворения со временем заключенных в нём воспоминаний. Так, мы читаем: «Написано на даче “Отрада” (“Новый Херсонес”) в трёх верстах от Севастополя на берегу Стрелецкой бухты, где Ахматова проводила каждое лето с 7 до 14 лет» [3, т. 1, с. 376]. Получается, что стихотворение 1912 года создано в 1903-м, то есть – четырнадцатилетней девочкой-подростком. На самом деле, конечно же, поэт возвращается к своему прошлому в мыслях, а не пребывает в нём в реальности. Напомним: в журнале «Гиперборей» стихотворение было опубликовано именно под названием «Возвращение» [1, т. 1, с. 744].

В очередной раз мы убеждаемся: без тщательного изучения реалий времени и места нельзя правильно прочесть даже автобиографические заметки писателя. Воистину, как она сама констатировала, «люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать» [2, т. 2, с. 243].

Вопреки цитированному выше мнению, Ахматова не жила **на даче** Н. И. Тура. Об этом она сама ясно скажет в одной из своих записей конца 1950-х – начала 1960-х годов: «**В окрестностях этой дачи** (“Отрада”, Стрелецкая бухта, Херсонес <...>) я получила прозвище “дикая девочка” <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 215]. Правильно будет сказать, что Ахматова с родителями жила **на дачах Тура**.

Хорошо известное севастопольцам имение Н. И. Тура до 1905 года носило название «Отрада» [8, с. 905]. Хозяин имения был человеком предприимчивым. На части своих земель он построил

для отдыхающих дачный посёлок. По имени владельца посёлок получил название Туровская слобода, или Туровка. Сегодня Туровки на официальной карте города уже не найти. В 1923 году первоначально, а в 1935-м окончательно, слободка была переименована в честь матроса Г. Н. Вакуленчука, организатора восстания на броненосце «Потёмкин» [8, с. 147, 905]. Весьма показательно, что в устной традиции Туровка продолжает жить в Севастополе до сих пор, а слободка Вакуленчука в массовом сознании так и не закрепилась.

Вот на этой самой Туровке и снимала домик почти каждое лето на протяжении восьми лет семья Горенко. «На современной карте Севастополя нынешний проспект Гагарина, – пишет севастопольский краевед В. Н. Горелов, – примерно соответствует Туровскому шоссе, центральной улице этого посёлка. Установить местоположение домика, в котором останавливались Аня и Инна Эразмовна Горенко, сейчас вряд ли возможно...» [7, с. 2]. Ясно одно: домик располагался на возвышенной части Туровской слободы. Именно оттуда были хорошо видны и Херсонес, и Стрелецкая бухта. Это и получило отражение в стихотворении Ахматовой и в её воспоминаниях.

После 1905 года имение «Отрада» было перестроено в духе времени. Появились новейшей архитектуры рестораны, общественный сад, беседки, скамейки, открытые площадки. Изменив свой облик, имение изменило и название: было переименовано в «Новый Херсонес». В этой части города Ахматова появилась опять только в 1907 году. Поселилась она по соседству, на новом дачном месте – в грязелечебнице Е. Э. Шмидта, которая располагалась на берегу Песочной бухты. Ее владельцем был врач, надворный советник Евгений Эдуардович Шмидт, проживавший в собственном доме на той же Екатерининской улице, где жил и дед Ахматовой [6, с. 53; 7, с. 2; 13].

Места своего детства, изменившие и облик, и название, Ахматова, несомненно, видела. Об этом свидетельствуют её воспоминания: «Нет и дачи Тура (“Отрада” или “Новый Херсонес”) – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет (правильно – до четырнадцати. – Авт.) я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 693].

Кстати, внесённая нами возрастная поправка показательна. Ряд ошибок у комментаторов рождён ошибками в воспоминаниях самого поэта. Например, вслед за Ахматовой все в примечаниях пишут, что она проводила на даче Тура «каждое

лето». Писать следует иначе – «**почти** каждое лето», поскольку ни в 1898-м, ни в 1900-м годах семья Горенко летом там не отдыхала [6, с. 36, 38].

После этих необходимых разъяснений вернемся к Херсонесскому храму.

Свято-Владимирский собор в Херсонесе построен в 1861-1891 годах. Только двухтомник 2005 года справедливо указывает, что соборный купол был «незолочёным» [4, т. 2, с. 433]. Действительно, золочёным у собора был изначально один лишь крест. Купол покрыли золотом уже во время восстановительных работ 1998-2004 годов. В остальном и этот комментарий, к сожалению, не лишён неточностей. Строился Свято-Владимирский собор не в 1862-1892 годах. У собора один купол, а не несколько. Из Стрелецкой бухты этот купол не виден. Виден он (как мы уже отмечали) с возвышенностей, окаймляющих бухту. Там как раз и располагалась дача, снимаемая семьёй Горенко.

Нерешённым остается вопрос: так каким же был в конце XIX – начале XX веков купол Херсонесского храма?

Строился Свято-Владимирский собор к 900-летию Крещения в Херсонесе Св. Равноапостольного Великого князя Владимира. Именно поэтому автор проекта академик Д. И. Grimm предложил возвести крестово-купольный храм в византийском стиле. Помимо прочего, это предполагало (в соответствии с греческой православной традицией) отказ от золочения купола. (Ср. три Святые Софии – соборы Константинопольский, Киевский и в Великом Новгороде). Но купол собора и его двухъярусные кровли были покрыты почему-то не медью (что было уже традицией), а цинковой черепицей [8, с. 165]. Возможно, из соображений экономии. Цинк – металл достаточно легкий. Оттого первоначальное покрытие в декабре 1879 года сорвал ураган. После этого были произведены ремонтные работы, результатом которых стала замена части цинковой кровли (а именно – карнизов) на свинец [9, с. 97-98]. С одной стороны, это утяжелило крышу, предохранив её от сильных ветров, с другой, – сохранило цвет основного покрытия, поскольку свинец в окисленном состоянии визуально почти не отличается от цинка. Цветовая гамма цинка – голубовато-серая, со временем имеющая тенденцию к потемнению. В результате, цинково-свинцовые купол и двускатные двухъярусные крыши собора на дореволюционных фотографиях «имеют тяжёлый сумрачный цвет» [7, с. 2].

Всё это и дало Ахматовой основание гово-

Рис. 4. Херсонесский собор на дореволюционной открытке

речь о «смуглых главах» Херсонесского храма. Но почему же она пишет о единственном куполе собора во множественном числе?

Во-первых, у комментируемого стиха был исходный вариант. В. М. Жирмунский, издавая Ахматову в «Библиотеке поэта», приводит эту раннюю редакцию интересующей нас строки: «Херсонесских церквей у крыльца» [5, с. 387]. Несомненно, имелись в виду руины многочисленных византийских базилик V-IX веков на территории Херсонеса, а также православные храмы новейшего времени – Свято-Владимирский собор, храм Семи Херсонесских священномучеников, домовая церковь Настоятельского корпуса.

С молодых лет Ахматова относилась к Херсонесу по-особому. Для неё он – «главное место в мире» [6, с. 32]. «Самое сильное впечатление» подростковых лет – «древний Херсонес, около которого мы жили» [1, т. 5, с. 236]. «Непосредственно отсюда», по самооценке поэта, к ней пришла «античность – эллинизм» [1, т. 5, с. 215].

Вместе с тем, для нашего поэта, в чём мы не раз убеждались, характерна точность деталей. «Главы» Херсонесских церквей лишены позолоты и на вид они действительно «смуглые». Но располагались они совсем не «у крыльца» ахматовской дачи, хотя и были хорошо видны оттуда. Расстояние до них составляло около двух километров.

Это, видимо, побуждает Ахматову отказаться от ранней редакции строки, заменив её на нынешнюю: «Херсонесского храма с крыльца». Однако при этом в предыдущей строке она оставляет во множественном числе «смуглые главы», тогда как у Херсонесского храма купол только один. Почему?

Визуально (и это во-вторых) образ поэта совершенно точен. Свято-Владимирский собор спроек-

тировали таким образом, что издали он выглядит как многоглавый храм. Многочисленные части его покрытия (от купола до фрагментов крыши), разной формы (круглые, угловые, квадратные), но при этом – в тот период – одного цвета, и впрямь смотрятся как отдельные «главы». Разрастаясь вширь, они ниспадают тремя ярусами – от вершины к основанию (см. рис. 4).

Особо отметим, что эпитет «смуглые» в определении «глав» храма нуждается в отдельном и более подробном комментировании. Конечно, в этом словоупотреблении есть дань колориту, что мы уже отметили, рассказав о цинковой кровле собора. Колористическая функция этого эпитета несомненна и в известных стихах о Пушкине 1911 года, из ахматовского цикла «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>. [1, т. 1, с. 77]

Однако в 1913, 1914 и 1915 годах, уже вне всякой колористической привязки, Ахматова наделяет «пушкинским» колоративом свою Музу: «А смуглая сидела на траве» («В то время я гостила на земле...») [1, т. 1, с. 147]), «Допишет Музы смуглая рука» («Уединение» [1, т. 1, с. 183]), «И были смуглые ноги / Обрызганы крупной росой» («Муза ушла по дороге...») [1, т. 1, с. 247]).

В 1916 году этот эпитет снова появится в стихотворении Ахматовой о Бахчисарае. Внешне он вроде бы опять исполняет колористическую функцию – передаёт особый оттенок лица крымскотатарских женщин, персонифицированных в образе «смуглой» Осени:

<...> Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла <...>. [1, т. 1, с. 275]

Но в стихотворении «Клеопатра» 1940 года уже неясно: «смуглая грудь», на которую героиня «равнодушной рукой» кладёт «чёрную змейку», – только ли колористическая деталь или это также траурный символ «прощальной жалости» к египетской царице [1, т. 1, с. 464] ?

Чем больше накапливается примеров, тем становится ясней: значение эпитета «смуглый» колоритом не ограничивается. Об этом свидетельствует и стихотворение А. А. Блока «Седое утро» – кстати, того же 1913 года, что и стихи Ахматовой о Музе:

Прощай, возьми ещё колечко,
Оденешь рученьку свою
И смуглое своё сердечко
В серебряную чешую...
[10, т. 3, с. 207]

Верно: речь у Ахматовой в 1916 году идет о татарке, а у А. А. Блока в 1913 году – о цыганке. Однако одним только оттенком их кожи эпитет «смуглый» тут уже не объяснишь. Почему у Анны Андреевны «смуглая» не просто женщина, а – Муза или Осень? И осень не какого-нибудь, а именно 1916 года? Отчего у А. А. Блока цыганка, прощаясь с лирическим героем после ночи, полной её страстных песен и его страстных объяснений, «хладно жмет» к его губам «свои серебряные кольца»? Не переключается ли этот мотив «страстного холода» и безнадёжного прощания со строками, адресованными «утешному» другу в бахчисарайском стихотворении Ахматовой?

Есть, быть может, ещё одна – сугубо личная, интимно-психологическая – причина столь сильной привязанности Анны Андреевны к эпитету «смуглый». С самого рождения Ахматова отличалась необыкновенно белой кожей. Помимо свидетельств современников, это подтверждается её собственным признанием: в Херсонесе она «загорала до того, что сходила кожа» [1, т. 5, с. 215]. Именно у того типа людей, к которому она принадлежала, упорное пребывание на солнце всё равно приводит не к загару, а к шелушению кожи.

По личному опыту Анна Андреевна знала, что такая белизна – характерный признак людей, больных туберкулёзом. Летом 1896 года умирает от этой болезни её четырехлетняя сестра Ирина (Рика), летом 1906-го с тем же диагнозом в возрасте 21 года уходит старшая сестра Инна, осенью 1922-го – 28 лет отроду – скончалась в Севастополе сестра Ия. В 1907 году в грязелечебницу доктора Е. Э. Шмидта привозят лечиться от первых признаков туберкулёза уже саму Анну Горенко [6, с. 53].

В стихотворении «Как невеста, получаю...», написанном в октябре 1915 года в туберкулёзном санатории близ Хельсинки, читаем:

Я гощу у смерти белой,
По дороге в тьму.
[1, т. 1, с. 245]

«Белая» смерть, разумеется, образ многозначный. Идёт ли речь о финских снегах? Для октября на юге Финляндии вроде бы рановато. Или о белых халатах врачей? Или о саване? Возможно.

Однако, не исключена еще одна интерпретация. Речь может идти и о нездоровой белизне кожи у больных туберкулёзом. Во всяком случае, эпитет «белый» у Ахматовой будет всегда сопровождать несчастье и беду [см. 1, т. 1, с. 267, 373]. Даже рай, если он «белый», – это не бессмертие, а смерть [1, т. 1, с. 177].

Не потому ли с такой готовностью подчеркивает Ахматова «смуглое» в дорогих ей людях и предметах? Смуглый – лицеистский Пушкин. (Сам-то он всю жизнь считал идеалом красоты именно белую кожу.) Смуглая – Осень в облике крымскотатарской женщины. Смуглая – дантовско-ахматовская Муза. Смуглая – грудь царицы Клеопатры. Смуглые – главы Херсонесского храма.

И повсюду этот «смуглый» цвет у Анны Андреевны – знак желанного, мечтаемого, идеального, но недостижимого. Поэтому в детстве она дни напролёт проводит на море, безуспешно стараясь обрести под южным солнцем столь заветный, но упорно ускользающий загар.

Итак, стихи Ахматовой накрепко спаяны между собой не простыми повторами отдельных «излюбленных» слов. Связывает их глубинная поэтика. Именно благодаря ей слова-образы переливаются в строки, строки – в целые тексты, тексты – в циклы, циклы разного времени – в единые вопросы бытия, обращенные к их, этих стихов и циклов, героям. А вот как отвечала Ахматова на эти вопросы, – предстоит внимательно изучать снова и снова.

VI.

<...> И не знать, что от счастья и славы Безнадёжно дряхлеют сердца.

Эти две последние строки на основе всего накопленного материала помогут нам понять не только «малую», но и ту «большую» тайну, которую скрывает в себе стихотворение и о которой в 1912 году пока не знает и сам поэт.

Начнём, как обычно, с реалий. Будем при этом помнить, что у Анны Андреевны реалии имеют обыкновение стремительно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды Ахматова вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215; там же, с. 236; там же, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей

в 1960-е годы – через полвека с лишним после детства и отрочества, связанных с Херсонесом, – вспоминалось. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах нашего поэта более чем скромно. Спешим оговориться: в виду имеется не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём всея земли».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к 1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего своё существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, – уже открыли многое и поражали многих [11]. Причём поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов: археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с древнегреческой надписью [6, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать Анны Андреевны с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко, конечно, не старшеклассники Бориса Балтера – евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами (соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана), ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенасы.

Положим, воспоминания Б. И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала Ахматовой, упоминая Херсонес, вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонидки») значил для поэтического мышления Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисарая (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом». Мифом о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н. В. Недоброво последнего лирического сюжета [см. об этом специальный цикл наших публикаций – 14].

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании поэта в символы, а из символов ткуются личные мифы.

Анне Андреевне осенью 1912 года (время написания стихотворения) уже исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но задумаемся: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадёжно дряхлеют сердца»?

И о «счастье», и о «славе» Ахматова будет думать, – и очень пристрастно думать, – ещё долго, по сути, до конца своих дней (см. пророческую строку 1912 года «Умирая, томлюсь о бессмертии...», открывающую второе из пяти стихотворений ахматовского цикла в «Гиперборее»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание Ахматовой к её зарубежным исследователям, к их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять Анну Андреевну можно. Испить к двадцати с небольшим годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком, – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», Ахматова свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». Ахматова 1912-го года – автор первой книги стихов «Вечер»,

к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2. с. 237]. Она уже два с половиной года замужем за знаменитым Н. С. Гумилёвым. У них родился сын Лев. Каждый год Ахматова наезжает в Европу. Там её окружают незаурядные люди и большие культурные события (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идёт не о пошлой «*femme fatale*» – модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А. Н. Толстым в «Сёстрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделиться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А. А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассия, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой. Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография Ахматовой, бесконечно от них далёкая, всё же их питала.

Итак, сама Ахматова 1912-го года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «**Всё глядеть** бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...». Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать ещё раз в памятные места отрочества, повидать их – и в блаженном неведении не догадываться о том, чего героиня-подросток ещё не могла знать: цену своей будущей взрослой славы и счастья.

Но ведь именно это она как раз уже знает!

Важный оттенок значения у глагола «глядеть» (как и в случае с глаголом «вижу») – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ахматовском поэтическом мире. В нём множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре.

Нет – созерцательного, внедиалогического любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на неё глядят? Если она ведёт с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки есть также их ответ ей – ответ и пророчество, ответ и предупреждение на годы и десятилетия вперёд. Она может этого не знать – это знают они. Сказанное ей она услышит, уже подготовленная к пониманию «малой» тайной. А в результате и к «большой» тайне тяжкого жизненного испытания полузабвением и невниманием она будет готова.

Одесское письмо Н. С. Гумилёва свидетельствует: он понял, что финальное ахматовское двусторочие о «счастье и славе» имеет двойную адресацию. Херсонесским храмом оно адресовано Ахматовой, но ею самой оно переадресовано Н. С. Гумилёву, что он и подтверждает своим ответом.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, недаром «смуглые» у Ахматовой и купола херсонесского храма, и бахчисарайская осень, принёсшая красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»), все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, Осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героиня с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» – народный фразеологизм, он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако бахчисарайская Осень приносит героям не живого ребёнка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Напомним: Ахматова к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне Н. С. Гумилёвым, а Н. В. Недоброво ждёт в Алуште красавица-

жена, самоотверженно ухаживающая за большим мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем, смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к нашему поэту, окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно Ахматовой, страницы «Ада» [1, т. 1, т. 403].

От этого двусторочия тоже разойдутся отражения далеко вперёд – до «Реквиема», с его политическими застенками, и «Поэмы без героя», с её дьявольским карнавалом. И об этом будущем ещё не догадывается крымская Ахматова. Но о нём уже ведают её «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Приложение

Предлагаемый вариант комментария к «херсонесскому» фрагменту стихотворения А. А. Ахматовой:

Всё глядеть бы на смуглые главы Херсонесского храма с крыльца <...>.

Речь идёт о дачном поселке, построенном владельцем имения «Отрада» Н. И. Туром недалеко от Стрелецкой бухты. В этом посёлке семья Горенко снимала домик почти каждое лето с 1896 по 1903 год. Как известно, сама А. А. Ахматова называла Херсонес «главным» для неё «местом в мире». Установить, где точно располагался дачный домик, и выяснить, не меняла ли семья свой летний адрес на протяжении восьми лет, пока не представляется возможным. Твёрдо можно сказать лишь, что дача стояла на возвышенном месте, поэтому «с крыльца» её был хорошо виден Херсонес и, в частности, Свято-Владимирский собор. Купол храма и его двухъярусные крыши имели тёмное цинково-свинцовое покрытие и визуально создавали эффект многоглавого собора. Это и породило поэтический образ «смуглых глав Херсонесского храма».

Список литературы:

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. – Москва: Эллис Лак, 1998-2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. – Москва: Художественная литература, 1986.
3. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. – Москва: Правда, 1990.
4. Ахматова А. А. Победа над судьбой. В 2 т. – Москва: Русский путь, 2005.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. – Издание 2-е. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889-1966. – Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
7. Горелов В. Н. Херсонес Анны Ахматовой // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь: Региональное обозрение. – 2008. – 26 сентября-10 октября. – №18(23). – С. 2.
8. Севастополь: Энциклопедический справочник. Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Севастополь: «Салта» ЛТД, 2008.
9. Золотарёв М. И., Хапаев В. В. Херсонесские святыни. – Севастополь: Фуджи-Крым, 2002.
10. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т. – Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1960-1963.
11. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.
12. Гумилёв Н. С. Сочинения. В 3 т. – Москва: Художественная литература, 1991.
13. Витухновская Н. И., Зубарев А. А. Морские врачи и Севастопольская морская офицерская библиотека // Сайт «Графская пристань» (grafskaya.com).
14. Казарин В. П., Новикова М. А. Стихотворение А. А. Ахматовой «Вновь подарен мне дремотой...»: (Опыты реального комментария). Публикация 1 // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 10. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – С. 60-72; Публикация 2 // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. Вып. 24 (81). – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – С. 11-18; Публикация 3 // Сайт «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (biks.org). – 06.06.2013.

**Казарін В. П., Новікова М. О. ВІРШ А. А. АХМАТОВОЇ
«ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...»**

(ПІДСУМКИ ДОСЛІДІВ РЕАЛЬНОГО І ПОЕТОЛОГІЧНОГО КОМЕНТАРЯ)

У статті виявлено петербурзькі та кримські реалії, які покладено в основу поетичних образів вірша А. А. Ахматової 1912 року. Серед петербурзьких реалій – головна Морська митниця російської столиці та спеціальний митний прапор над нею, клініка професора Д. О. Отта, яку прозвали «імператорською родильнею» (заснована в 1797 року імператрицею Марією Федорівною). Серед кримських реалій – дачні передмістя Севастополя (зокрема маєток М. І. Тура «Відрада» і грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта), Стрілецька й Пісочна бухти, Херсонес і Свято-Володимирський собор. Запропоновано нове розуміння обставин, що інспірували ахматівський текст: народження сина Лева, відчуження (потім і формальне розлучення) А. А. Ахматової та М. С. Гумільова. Доведено подвійну адресацію вірша й особливий, пророчий сенс його фіналу. Застосовано методи: історико-біографічний, реального коментування та глибинного поетологічного аналізу. Текст супроводжується ілюстраціями.

Ключові слова: Ахматова, Гумільов, відчуження, розлучення, Петербург, Морська митниця, прапор, клініка професора Д. О. Отта, Крим, Севастополь, Херсонес, Свято-Володимирський собор, смугляві глави, Стрілецька бухта, Пісочна бухта, маєток М. І. Тура «Відрада», грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта, приморська дівчисько, щастя, слава, постаріння серця, історико-біографічний метод, методи реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

Kazarin V. P., Novikova M. A. POEM BY A. A. AKHMATOVA

“ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...”

(RESULTS OF EXPERIMENTS OF REAL AND POETOLOGICAL COMMENTARY)

The paper reveals Petersburg and Crimean realia underlying the poetic imagery in Anna Akhmatova's poem written in 1912. Among the Petersburg realia there are the main Maritime Customs House with its special flag and Prof. D. Ott's clinic founded in 1797 by Empress Maria Feodorovna and widely referred to as the Imperial Maternity Home. Among the Crimean realia there are the suburbs of Sevastopol (with N. Tour's estate Otrada and Dr. E. Schmidt's mud cure clinic), the Streletskaya and Pesochnaya Bays, Chersonese and St. Vladimir's Cathedral. New insights into the circumstances which inspired Akhmatova's text are offered such as the birth of her son Leo and her estrangement (as well as subsequent official divorce) from N. Gumilev. The double addressee of the poem is proved, as well as a special prophetic meaning of its final part. The historical and biographical methods are combined in the research with realia comments and in-depth poetological analysis. The text is interspersed with illustrations.

Key words: Akhmatova, Gumilev, estrangement, divorce, Petersburg, Maritime Customs House, flag, Prof. D. Ott's clinic, Crimea, Sevastopol, Chersonese, St. Vladimir's Cathedral, swarthy cupolas, Streletskaya Bay, Pesochnaya Bay, N. Tour's estate Otrada, Dr. E. Schmidt's mud cure clinic, seaside girl, happiness, fame, decaying heart, historical and biographical methods, realia comments, in-depth poetological analysis.